

Сурен Золян

**ЮРИЙ ЛОТМАН:
О СМЫСЛЕ, ТЕКСТЕ,
ИСТОРИИ
ТЕМЫ И ВАРИАЦИИ**

Издательский Дом ЯСК
Москва 2020

УДК 82.09
ББК 71.05
3 81

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту 19-112-00207, не подлежит продаже

Золян С. Т.

3 81 Юрий Лотман: О смысле, тексте, истории. Темы и вариации. —
М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. — 320 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-907117-81-5

Лотмановское наследие может дать импульс принципиально новым трансдисциплинарным направлениям исследований. Совмещение ипостасей историка русской культуры и семиотика-теоретика позволило Ю. М. Лотману наметить новые подходы к культуре и истории, естественным приращением к которым будет также и предлагаемый лингвосемиотический ракурс рассмотрения. В книге дан анализ ряда ключевых идей Лотмана, рассматривается их возможное развитие в новом контексте. Гераклитовский образ «Самовозрастающего Логоса» рассматривается как основа научной концепции Ю. М. Лотмана, описанные им механизмы создания и умножения смыслов применены к его же собственной концепции. Динамический подход к сотворению текста, осмысление и переосмысление истории, взаимодействие и взаимопретекание текста и поведения — лейтмотивы книги.

В первой части, «Темы», систематизированы взгляды Ю. М. Лотмана на природу текста как динамическое единство создаваемых и транслируемых смыслов в процессе коммуникации автора и читателя. Действия и события описываются как обладающие социальным смыслом знаки, тексты и коммуникативные акты. Претекание текстов в жизнь и историю становится определяющим для инновативных подходов Ю. М. Лотмана к истории и социальной семиотике. Благодаря этому объясняются механизмы переосмысления истории применительно к новым контекстам. Второй раздел, «Вариации», составляют образцы приложения идей Ю. М. Лотмана к описанию текстов и смыслов. Собранные воедино, предлагаемые «темы и вариации» создают кумулятивный и синергетический эффект — показывая возможность «новой жизни» лотмановских идей и приглашая к диалогу относительно их дальнейшего развития. В Приложении помещены очерк «Ю. М. Лотман и Армения» и статья Михаила Лотмана о концепции текста в Московско-тартуской школе.

УДК 82.09
ББК 71.05

*В оформлении обложки использован автошарж Ю. М. Лотмана
(Автопортреты Ю. М. Лотмана. Таллинн: Изд-во Таллиннского ун-та, 2015. № 27)*

ISBN 978-5-907117-81-5

9 785907 117815 >

© Золян С. Т., 2020
© Издательский Дом ЯСК, 2020
© Таллиннский ун-т, автошарж Ю. М. Лотмана, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

Раздел I. Темы

1. Юрий Лотман о тексте: идеи, проблемы, перспективы	13
2. О непредсказуемости прошлого: Юрий Лотман об истории и историках	59
3. Юрий Лотман и социальная семиотика	97
4. Между взрывом и застоём: постсоветская история как семиотическая проблема (по книге Ю. М. Лотмана «Культура и взрыв»)	129
5. Роман-реконструкция: сотворение жанра (о книге Ю. М. Лотмана «Сотворение Карамзина»)	147

Раздел II. Вариации

1. «Бесконечный лабиринт сцеплений»: семантика текста как многомерная структура	159
2. От мифа — к истории (близнечный миф и сюжетная организация «Истории Армении» Агатангелоса)	193
3. «Свет мой, зеркальце, скажи» — волшебное зеркало как семиотическое устройство	205
4. Магическое у Пушкина — семантика и поэтика (магия рукописи)	225
5. О «самовозрастании смысла» в поэтическом тексте	239

Раздел III. Приложение

Юрий Лотман и Армения	245
Литература	261

<i>М. Ю. Лотман. Текст в контексте Тартуской-московской школы: проблемы и перспективы</i>	277
Именной указатель	295
Предметный указатель	299
Библиографическая справка	309
Сведения об авторе	311
Summary	313

ВВЕДЕНИЕ

Заглавие книги отражает концептуальный подход — это не пересказ идей Ю. М. Лотмана (тогда бы мы назвали ее «Лотман о смысле, тексте, истории»). Идеи Лотмана, казалось бы, хорошо известны и в популяризации не нуждаются. Однако это верно только для достаточно узкого круга исследователей. Как это ни парадоксально, многое из того, что было новаторским, так и до сих пор остается недостаточно понятым или же просто игнорируется, или даже забыто¹. Если же проследить за тем, как и в какой связи упоминаются работы Лотмана, то складывается впечатление, что это уже скорее дань сложившейся академической традиции, требующей исторического обзора. Между тем требуется нечто более, нежели простое переиздание или пересказ, а именно — диалог.

Мы исходим из одной из основополагающих идей Ю. М. Лотмана (и не только его): помещенные в новый контекст тексты порождают новые смыслы. Так, новые проблемы, которые были подняты уже в 1990–2000-х гг., создают новое поле для прочтений работ Лотмана — есть или нет в них ответ на вопросы, которые не были поставлены самим автором. Домысливание, а затем и до-

---

¹ Так, не так давно из редакции специализированного журнала (один из самых высоких импакт-факторов среди изданий по семиотике) мы получили отзыв, где рецензент усмотрел в лотмановском понимании текста чуть ли не цивилизационный разрыв между Западом и Востоком и счел нужным разъяснить:

What is understood under «text»? I suspect that the authors have in mind the concept as raised by Y. Lotman: for him a culture, a living being, a biosphere, a picture, even the universe may be conceived as a text. This is in opposition with the Western understanding, where text is a string of characters belonging to some alphabet. Not all such strings, however, have a status of text, only those that represent projections (reduction) from some natural language, i.e. string representing numerals or formal (programming) languages are not texts (2015 г.).

говаривание оказывается законной процедурой в таких случаях. Это не придумывание, а развитие самого текста — или той логики, которая была заложена в него автором. Поэтому автору и его текстам принадлежит приоритет и на несказанное им, остальным следует довольствоваться ролью комментатора или интерпретатора (с учетом того, что Ю. М. Лотман вполне мог и пересмотреть свою позицию).

В книге помещены статьи, в которых мы пытаемся раскрыть ключевые для мировоззрения Ю. М. Лотмана категории смысла, его организации и манифестации — как в тексте, так и в истории. Это не должно быть популяризацией или же компиляцией цитат, а явится попыткой продолжить высказанные Лотманом мысли и найти для них соответствующий контекст, в котором они могут звучать по-новому. Договаривая то, что было по тем или иным причинам недосказано, как это и предполагал сам Ю. М. Лотман, можно заставить классические тексты говорить².

Собранные статьи — на пересечении жанров. Они — «из истории поэтики и семиотики» и вместе с тем задумываются как ответы на некоторые актуальные вызовы (по Лотману — история всегда актуальна). Поводом для написания каждой из них была проблема, уже поставленная Ю. М. Лотманом. В некоторых случаях это требовало лишь экспликации и систематизации уже сказанного им, в некоторых заочный диалог приводил к новой постановке вопроса, в некоторых мы конкретизировали ту или иную идею Ю. М. Лотмана на новом материале. Почти все статьи были опубликованы в научных сборниках, выпущенных в честь Ю. М. Лотмана или в память о нем и ориентированных на развитие лотмановского наследия. Тем не менее собранные воедино, они создают кумулятивный и синергетический эффект — показывая возможность «новой жизни» лотмановских идей.

---

² Ср.: «Ныне “Гамлет” — это не только текст Шекспира, но и память обо всех интерпретациях этого произведения и, более того, память о тех вне текста находящихся исторических событиях, с которыми текст Шекспира может вызывать ассоциации. Мы можем забыть то, что знал Шекспир и его зрители, но мы не можем забыть то, что мы узнали после них. А это придает тексту новые смыслы» [Лотман 1999б: 22].

Список, кому автор обязан принести благодарности, занял бы куда больше места, нежели список кораблей у Гомера. Приведу лишь те имена, без которых не было бы этой книги. В первую очередь, это Зара Григорьевна Минц и Юрий Михайлович Лотман — люди необычайной доброты и человечности. Возможность войти в их гостеприимный дом, быть свидетелем и участником их бесед, видеть, как они работают, думают, спорят, — это был академический опыт, куда ценнее, чем можно было получить в аудитории. При этом оба они в быту вовсе не были оторванными педантами, как принято изображать профессоров. В их доме не было телефона, поэтому шли к ним без договоренности и предупреждения. Лотманы жили на третьем этаже, на первом располагался венерический диспансер, очередь туда доходила до второго этажа. На удивление стоящим, я, не спрашивая «кто последний», гордо шествовал на третий. Будучи крайне занятыми, Юрий Михайлович и Зара Григорьевна могли долго просить извинения, что сейчас они не могут принять для академической беседы, но в то же время всегда настойчиво приглашали на кухню — вид иногороднего студента внушал им непреодолимую потребность его накормить.

Будучи сам блестящим полемистом, Юрий Михайлович ценил умение возражать. Ему скучно было слышать поддакивания. Он был открыт к диалогу, и его желание понять собеседника ликвидировало все статусные барьеры. Он не делал скидок ни на старость, ни на младость и всегда говорил на равных. Поэтому мог он и очень изящно и жестоко высмеять — в том числе и самого себя. Не будучи догматиком, легко мог принять точку зрения оппонента, «По неопытности, ей-богу, по неопытности», — смеясь, примерял он к себе в таких случаях слова Горюничего.

Именно этот опыт общения с Юрием Михайловичем позволил автору занять позицию не столько читателя книг Юрия Михайловича (и проигнорировать еще большее количество книг, написанных о нем), сколько собеседника, пытающегося заинтересовать (что греха таить — удивить) своего визави новыми идеями. С годами осознаю, как много я если и понимал, то крайне поверхностно и как мало, в сущности, мне есть что добавить. Единственное, что дает основание писать на эту тему и может оправдать меня в глазах Зары Григорьевны и Юрия Михайловича, — то, что

другие понимают еще меньше (если только...). Но это мне только кажется — по отношению к работам Ю. М. Лотмана не может быть какой-либо привилегированной позиции, хотя бы потому, что сам Лотман не признавал таковой и за собой — для него проблема всегда была открытой. И мне ни разу не довелось слышать от него «когда-то я уже писал об этом».

Благодарю моего друга и соавтора, Михаила Юрьевича Лотмана. Нам не удалось довести до завершения даже малой части задуманного вместе с ним — что мы амбициозно назвали общей теорией языков. Я до сих пор живу запасами того кладезя идей, которыми он щедро делился в 1975–1977 гг. (Отголоски этих идей можно найти и у Ю. М. Лотмана, в его наблюдениях относительно взаимодействия диаметрально противоположно организованных кодов [Лотман 1996]). Парадоксально, но нам так и не удалось написать ничего совместного — то, что напечатано, есть результат распределения разделов. Обычно же, после первой совместной страницы обнаруживались такие расхождения, что для их преодоления приходилось создавать еще одну теорию. Так, посвященные проблемам текста разделы — во многом результат дружеских пререканий относительно так и не написанного совместного доклада. Не возлагая на него ответственности за изложенное здесь, признаюсь, что многое продумано под его влиянием. Особая благодарность за его усилия по сохранению наследия Юрия Михайловича — это доступные для работы архив и библиотека Юрия Михайловича и Зары Григорьевны в Таллинском университете, это там же происходящие ежегодные международные Лотмановские чтения, а в серии специальной «Лотмановской серии» (*Biblioteca Lotmaniana*) публикуются архивные труды и исследования о Ю. М. Лотмане и З. Г. Минц (поразительно — при колоссальном объеме ими опубликованного как много интереснейших материалов оставалось и все еще остается в рукописном виде).

К сожалению, давно не имею сведений от другом моем друге и соавторе моей первой серьезной публикации, Игоре Аполлониевиче Чернове. Благодарен ему за то, что он ввел меня в мир московско-тартуской семиотики, его феноменальная эрудиция, риторическое мастерство и повадки задиры давали ему неоспоримые преимущества в любом споре: он легко доказывал, что то, что ты

говоришь, уже давно сказано и, более того, опровергнуто. Можно только сожалеть, что его талант лишь в ничтожной мере реализовался в его публикациях. Тщу надеждой, что в написанном здесь есть отголоски наших давних бесед, особенно по нереализованному проекту по социальной семиотике.

Особая благодарность — Эстонскому семиотическому фонду и его сотрудникам, а также Таллинскому университету. Благодаря полученной Лотмановский стипендии, в 2012 г. мне довелось семестр поработать в архиве и необъятной библиотеке Ю. М. Лотмана, в настоящее время перенесенных в Таллинский университет (замечу, что сам Юрий Михайлович к своим книжным полкам не подпускал, но если попросить — он сразу же находил нужную книгу и даже требуемое место по памяти открывал). Это стало стимулом вновь вернуться к в свое время невнимательно прочитанным трудам Лотмана, результатом чего стал ряд статей, написанных в последние годы и ставших основой предлагаемой книги.

Благодарен коллегам из Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград), где созданы и замечательная атмосфера, и условия для научного творчества. Общение с калининградскими коллегами, их интерес к семиотике как к междисциплинарному стержню гуманитарного знания дали возможность лучше осознать, насколько востребована эта проблематика и какие направления ее развития представляют в настоящее время наибольший интерес.

Наконец, все задуманное осталось бы благими пожеланиями, не будь финансовой поддержки Российского фонда фундаментальных исследований и готовности к сотрудничеству со стороны издательства «Языки славянской культуры», которым автор выражает искреннюю признательность и благодарность. Особо хочу поблагодарить ведущего редактора Ирину Полосухину за работу над изданием рукописи.

Художник Ф. Марков

Дорогой Суря,
спасибо за добрые
письма и подарки
летом. Вам и
всем Вашим
всем самым
много в 82 году.
Видела Вас с
Минкой прошлой
весны для
счастливого. Не
всегда - пишу
Вам: Ю. Полю

АВИА

Куда

Таманян, 2-46,

Кому Сур. Золему

Индекс предприятия связи и адрес
отправителя ЭСР

202400
Тарту, Бурденко,
63-6 ЗМили-
Ю. Полюман

375009

Индекс предприятия связи места назначения

© Министерство связи СССР 1981

Раздел I

ТЕМЫ

1. ЮРИЙ ЛОТМАН О ТЕКСТЕ: ИДЕИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

0. К постановке проблемы

Идеи Ю. М. Лотмана о тексте, казалось бы, хорошо известны и в популяризации не нуждаются. Один только обзор их упоминаний и обращений к ним мог бы стать предметом монографического исследования (поэтому мы предпочли не обращаться к этой теме). Однако, как это ни парадоксально, то, что было новаторским, до сих пор остается не только без какого-либо системного применения, но и, за исключением, пожалуй, ранних методик анализа поэтического текста, даже недостаточно освоенным. Ни в семиотике, ни в лингвистике, ни в теории литературы до сих пор нет обобщенного описания лотмановской концепции текста в ее соотношении с современными представлениями, нет и оценки их потенциала. Между тем именно эти идеи могут лежать в основе новой теории текста — они могут быть востребованы как при рассмотрении динамических и коммуникативных аспектов текста, так и для усовершенствования существующих и создания новых методик текстового анализа.

Признавая возможность иных подходов, мы выделили пять, на наш взгляд, ключевых пунктов лотмановской концепции.

1) Прагматические факторы и критерии выделения текста (ср.: [Лотман, Пятигорский 1968]): разграничение между текстом и не-текстом основано не на лингвистических или семанти-

ческих, а на прагматических (социокультурных) критериях. Это предполагает возможное развитие лотмановской теории текста с использованием теории речевых актов, перформативов, языковых игр и т. п.

2) Текст как принципиально многоязычный и мультисемантический объект. Согласно Лотману, любой текст порождается при помощи как минимум двух разнородных языков и в процессе функционирования допускает множественность интерпретаций. Отсюда и представление о тексте как многомерном семиотическом объекте. Возможно развитие этих идей на основе модальной семантики (семантики возможных миров).

3) Текст и читатель (адресат). Одна из определяющих для Лотмана идей — это активная роль адресата (или культуры-реципиента) в раскрытии семантического потенциала текста, с одной стороны, и роль текста в формировании читателя (культуры) — с другой. Это предполагает рассмотрение текста в процессе коммуникации, где перспективным представляется основанный на когнитивистике мультидисциплинарный подход.

4) Текст как динамический саморазвивающийся объект. Лотмановские определения текста весьма близки к его определениям интеллекта (сознания) и культуры (семиосферы). По сути, эта триада (*текст — интеллект — семиосфера*) представляет собой различные аспекты одного и того же явления, в котором каждый из членов триады взаимно определяет, создает и развивает другие. Такой подход закладывает основы новой семиотики — где наряду со знаком в качестве основного объекта описания появляется понятие текста, а основными подлежащими описанию процессами станут текстопорождение, интерпретация и коммуникация.

5) Текст как комплексное отношение (функция в математическом смысле) между тремя переменными: это состоящая из знаков композиция (т. е. текст в узком смысле слова), адресат и контекст; к ним можно добавить и четвертую переменную: язык (знаковую систему).

Каждый из этих пяти аспектов может быть представлен как самостоятельная теория, однако представляется более существенным сохранить лотмановское целостное видение проблемы и обратить внимание на их взаимосвязь и взаимообусловленность.

1. В поисках текста как объекта

Идеи Лотмана о тексте формировались на протяжении почти тридцати лет (1960–1990-е гг.). Это именно тот период, когда возникал и сам объект (текст как объект семиотического и лингвистического описания), и соответствующие дисциплины (лингвистика и семиотика текста, с некоторыми оговорками — дискурс-анализ). Безусловно, лотмановская концепция текста формировалась поэтапно. Она существенно видоизменялась, но вместе с тем можно выделить ее некоторую остающуюся стабильной основу, которая принимает окончательную форму в последних работах Лотмана. Впервые он обращается к проблеме текста еще в «Лекциях по структуральной поэтике», полемизируя с современными ему концепциями:

Но при всем том молча подразумеваются два положения: 1) текст художественного произведения — это сумма графических знаков; 2) художественное произведение реально дано нам как текст.

Постараемся показать, что оба понятия даны нам не как метафизическая, отдельная от истории «реальность», а как определенное, исторически данное субъектно-объектное отношение [Лотман 1994а: 203].

Все последующие работы Лотмана можно рассматривать как демонстрацию и экспликацию приведенного тезиса. Поэтому исследования 1980-х — начала 1990-х гг. помогают лучше понять круг вопросов и не всегда четкие формулировки статей 1960–1970-х гг.

Безусловно, формирование лотмановской концепции необходимо рассматривать в контексте лингвистики и семиотики текста того времени. Попытаемся обрисовать этот контекст, не претендуя на полноту (см. соответствующие обзоры в [Гиндин 1972; Николаева 1977; 1978]) и сосредоточиваясь лишь на тех концепциях, которые были релевантными в кругу Московско-тартуской школы.

Можно считать признанным тот факт, что на развитие лингвистики текста поэтика оказала значительное влияние. В первую очередь следует указать пионерскую работу В. Я. Проппа о структуре волшебной сказки [Пропп 1928] и осуществленное К. Леви-Стросом последующее развитие этой модели на материале мифа